

~Михаил Лермонтов~Белла Ахмадулина~Омар Хайям~Владимир Высоцкий~

Александр Пушкин~Шарль Бодлер~Юрий Визбор

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ

Михаил Лермонтов

Белеет парус одинокий

Федерико Гарсиа Лорка~Роберт Рождественский

~Анна Ахматова~Уильям Шекспир~Евгений Евтушенко~Вероника Тушнова~

Золотая коллекция поэзии

Михаил Лермонтов

Белеет парус одинокий

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Лермонтов М. Ю.

Белеет парус одинокий / М. Ю. Лермонтов — «Эксмо»,
2020 — (Золотая коллекция поэзии)

ISBN 978-5-04-109101-9

Книга избранной лирики Михаила Юрьевича Лермонтова, великого поэта, без которого нельзя представить себе русскую и мировую литературу. Стихотворения и поэмы Лермонтова, трагически погибшего на дуэли, как и его предшественник и сосед по поэтическому олимпу Александр Сергеевич Пушкин, стали одним из главных откровений XIX века.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-109101-9

© Лермонтов М. Ю., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Если бы этот мальчик остался жив	6
«Выхожу один я на дорогу...»	8
Люблю, люблю одну!	11
«Она не гордой красотою...»	13
К*	14
К Л	15
«Расстались мы, но твой портрет...»	18
Ангел	19
Русалка	20
Тростник	21
«Есть речи – значенье...»	23
Молитва	24
Молитва странника	26
Ребенку[3]	28
Сон	29
«Нет, не тебя так пылко я люблю...»	30
Любовь мертвеца	31
Оправдание	33
«Они любили друг друга так долго и нежно...»	34
Демон	37
Посвящение	60
Что ищет он с стране далекой?	62
«Нет, я не Байрон, я другой...»	64
Молитва	65
«Я жить хочу! хочу печали...»	67
Парус	68
Юнкерская молитва	69
«На серебряные шпоры...»	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Михаил Лермонтов

Белеет парус одинокий

Составитель и автор вступительной статьи А. Марченко

Серия «Золотая коллекция поэзии»

Оформление серии Н. Ярусовой

© Марченко А., вступ. ст., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Если бы этот мальчик остался жив

Считается, что истинное место Лермонтова в истории отечественной словесности сразу после Пушкина, как якобы утверждал еще при жизни поэта Виссарион Белинский. Белинский действительно написал о Лермонтове несколько замечательных по проницательности статей, но на такую дерзость все-таки не осмелился. *Глубокая творческая натура, поэт с большими, даже великими надеждами, но, увы, ушел из жизни, так и не преобретя права быть сравниваемым не только с Пушкиным, но и с Гоголем.* Это право Михаил Юрьевич Лермонтов приобрел лишь шестьдесят лет спустя, после того, как Александр Блок взял на себя смелость заявить во всеуслышание:

«Лермонтов и Пушкин образы «предустановленные», загадка русской жизни и литературы...».

Загадка эта до сих пор не разрешилась... Причем варианты разгадок предлагаются самые удивительные. Недавно, например, один молодой и бойкий прозаик объявил миру и граду, что Николай Мартынов и не думал убивать своего однокашника по юнкерской школе, а по его настоятельной просьбе хотел нанести приятелю «небольшое ранение», дабы поэта не отправили на чеченский фронт! Правда, выдвигались и еще более несуразные, смехотворно дилетантские версии. Дескать, Михаила Юрьевича пристрелил спрятавшийся в кустах казак, подкупленный жандармами по личному приказу императора Николая. Впрочем, и вполне серьезные литераторы до сих пор, основываясь на ранних, полудетских его стихах, считают Лермонтова оди «демонической личностью» и чуть ли не «избранником зла», другие поэтом сверхчеловеческого, третьи убеждены, что и под чеченские пули, и под дуэльный пистолет он подставился, чтобы избавиться от «скуки жизни». Даже Б. М. Эйхенбаум, замечательный филолог, написавший о творчестве Лермонтова несколько классических исследований, утверждал, что поэт не только в ранней юности, но и в зрелые годы был занят только своей судьбой как мировой проблемой!

Между тем если, освободившись от давления авторитетных мнений, своими глазами взглянуть на те произведения, которые Михаил Лермонтов счел возможным и необходимым опубликовать, а не на опыты, оставшиеся в черновых рабочих тетрадях, нельзя не прийти к прямо противоположному заключению! Именно у Лермонтова поразительно мало «песен про себя»!

«Маскарад», «Сашка», «Княгиня Лиговская», «Тамбовская казначейша», «Смерть Поэта», «Поэт», «Памяти Одоевского», «Гете», «Бородино», «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Мцыри», «Казачья колыбельная песня», «Не верь себе, мечтатель молодой...», «Дума», «Герой нашего времени», «Три пальмы», «Дары Терека», «Воздушный корабль», «Родина», «Свиданье», «Завещание», «Валерик», «Спор», «Сон», «Тамара», «Листок», «Морская царевна», «Кавказец».

Петербург, Москва, провинция, Кавказ и кавказцы, война и мир, быт и история... И ведь не просто же панорама, собрание пестрых глав, сцен и картин, но и характеры и судьбы, лица и положения! А о себе любимом? Раз-два и обчелся: «Молитва», «И скучно, и грустно...», «Ребенку», «Выхожу один я на дорогу...», «Как часто пестрою толпою окружен». Можно с известной натяжкой добавить в этот дневник души «Пленного рыцаря», но и только, ибо три удивительных женских автопортрета А. С. Смирновой, М. А. Щербатовой и В. К. Воронцовой-Дашковой это портреты не модных красавиц, а характеристических лиц светского Петербурга, и вовсе не личные лирические послания к женщинам своего вкуса и эстетического выбора. Как бы заготовки к тем огромным романам, план которых Лермонтов продумал до мелочей, пока его держали под арестом за глупейшую вздорную дуэль с сыном французского посла Эрнестом де Барантом. Один роман «из времен смертельного боя двух великих наций, с

завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкою в Вене. Второй из Кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране» (Из воспоминаний Михаила Глебова, секунданта поэта на последней (июль 1841) дуэли с Николаем Мартыновым).

Словом, воленс-ноленс, а придется признать: больше всего похоже на разгадку загадки Лермонтова мнение Льва Толстого: «...если бы этот мальчик остался жив, не нужны были бы ни я, ни Достоевский!»

Алла Марченко

«Выхожу один я на дорогу...»

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.
1841

М. Ю. Лермонтов в годы студенчества.

Худ. П. Е. Заболотский. 1840 г.

Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

Из глубины монастырской кельи красота Тамары бросает вызов Демону... Все... конфликты рождаются у Лермонтова около красоты. У него она одно из осложнений жизни, одна из помех для свободной души... Когда я читаю в песне о Стеньке Разине, как чувствовал он когда-то Волгу персидской царевной, я невольно думаю именно о Лермонтове.

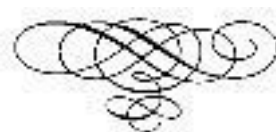
Иннокентий Анненский.

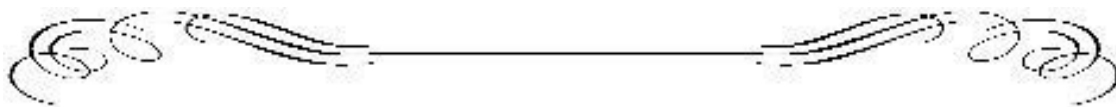
Из эссе «Символ красоты у русских писателей»

Люблю, люблю одну!

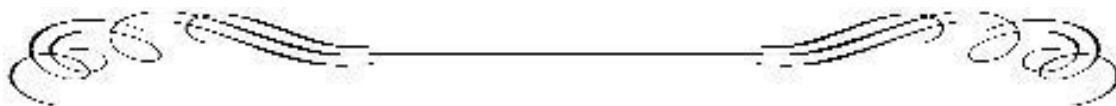
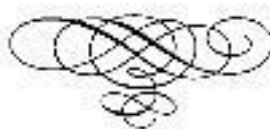
В. А. Лопухина в виде испанской монахини.
Акварель М. Ю. Лермонтова

В прозаическом отрывке «Я хочу рассказать вам...» Лермонтов высказал одну из заветнейших своих мыслей: «Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не откроет, но они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно и дают тайное направление чувствам и поступкам». В жизни самого Лермонтова таким чувством, давшим тайное направление многим его поступкам, а главное стихам, была его любовь к Варваре Александровне Лопухиной. В первой главе нашей книги представлены произведения, либо прямо к ней, «подруге юных дней», обращенные, либо в той или иной степени отражающие историю их отношений. На том же основании в этом же разделе поэма «Демон» печатается в варианте 1838 года, который был подарен Варваре Александровне с особым *Посвящением*.

А. Марченко

Будучи студентом, он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную Варвару Александровну Лопухину... Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно. И едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения.

Аким Шан-Гирей¹.

4 декабря 1831 года.

День именин Варвары Лопухиной.

Москва. Малая Молчановка

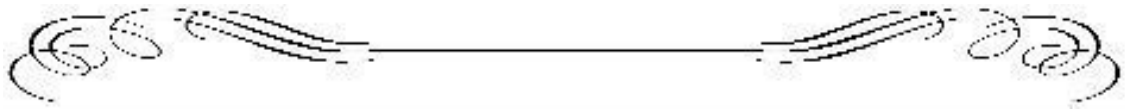
Вечером, возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиною страданья!

М. Ю. Лермонтов. Из дневниковых заметок

---

¹ Аким Шан-Гирей троюродный брат поэта. Товарищ его детства и юности.

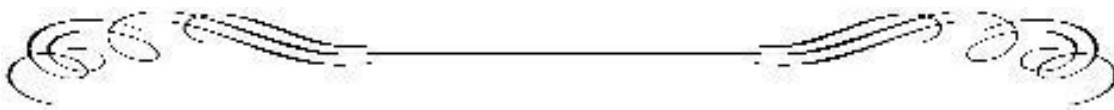
«Она не гордой красотою...»

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.
1832

К*

(«Мы случайно сведены судьбою...»)

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилась с душою;
Хоть пути не кончить им вдвоем!

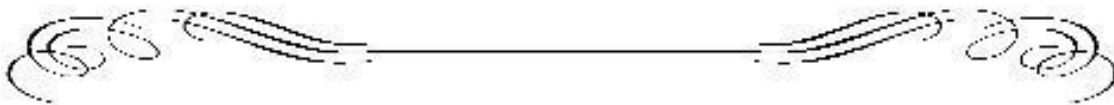
Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой,
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них.

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч-путеводитель,
Что хвала иль гордый смех людей!

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

1832

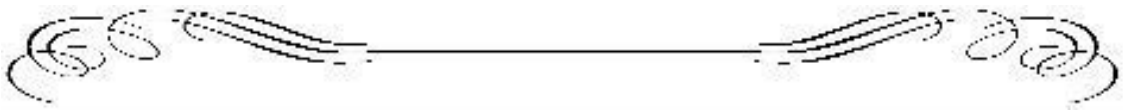
Мы играли в шахматы, человек подал письмо; Мишель начал его читать, но вдруг побледнел; я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: «вот новость прочти», и вышел из комнаты. Это было известие о предстоящем замужестве В. А. Лопухиной.

Аким Шан-Гирей.

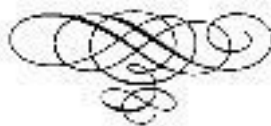
1835 год. Весна. Петербург

К Л
(Подражание Байрону)

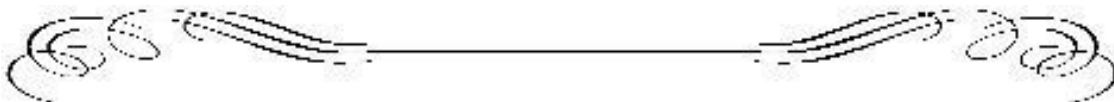
У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так, память, демон-властелин,
Все будит старину.
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!
Принадлежишь другому ты,
Забыт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В неизвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!
И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Все сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!
1831

В. А. Лопухина в атласном капоте и блондовом чепце, как она описана в «Княжне Лиговской».

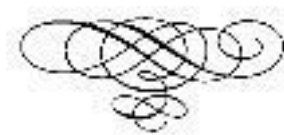
Акварель М. Ю. Лермонтова. 1836 г.

...С самого начала нашего знакомства я не чувствовал к ней ничего особенного, кроме дружбы... говорить с ней, сделать ей удовольствие было мне приятно и только. Ее характер мне нравился: в нем видел я какую-то пылкость, твердость и благородство, редко заметные в наших женщинах. Одним словом, что-то первобытное, допотопное, что-то увлекающее частые встречи, частые прогулки, невольно яркий взгляд, случайное пожатие руки много ли надо, чтоб разбудить таящуюся искру?... Во мне она вспыхнула; я был увлечен этой девушкой, я был околдован ею; вокруг нее был какой-то волшебный очерк; вступив за его границу, я уже не принадлежал себе; она вырвала у меня признание, она разогрела во мне любовь, я предался ей как судьбе, она не требовала ни обещаний, ни клятв... но сама клялась любить меня вечно мы расстались она была без чувств, все приписывали то припадку болезни я один знал причину я уехал с твердым намерением возвратиться скоро. Она была моя я был в ней уверен, как в самом себе. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года, я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоценное чувство следовало за мною. Случалось мне возле других женщин забыться на мгновение. Но после первой вспышки я тотчас замечал разницу, убийственную для них ни одна меня не привязала и вот, наконец, я вернулся на родину... я ее нашел замужем. Я проглотил свое бешенство из гордости... но один Бог видел, что происходило здесь.

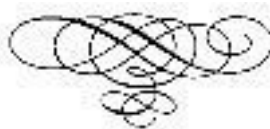
*М. Ю. Лермонтов. Из драмы «Два брата».
Январь 1836 года. Тарханы*

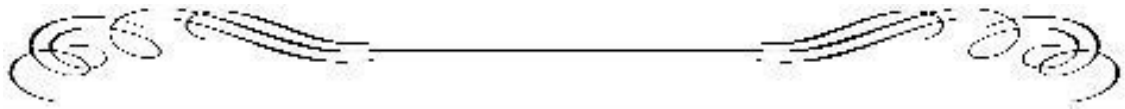
«Расстались мы, но твой портрет...»

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный все храм,
Кумир поверженный все Бог!

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.
1831

Русалка

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

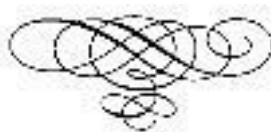
И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.

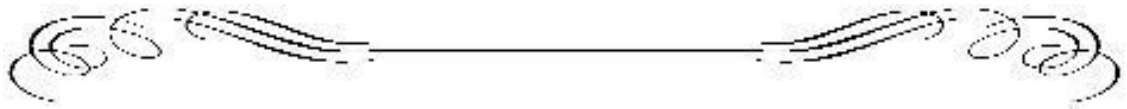
Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз.

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!...»

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.
1832–1836

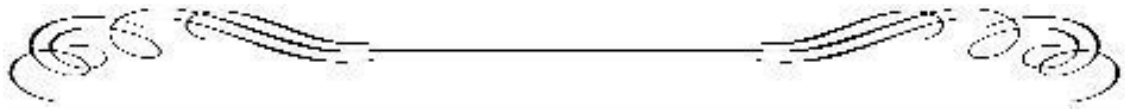
Тростник

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.
И, будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!
И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
И был сынок любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.
Моей любви просил он,
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он,
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;
И над моей могилой

Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей молодой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».
1832

«Есть речи – значение...»

Есть речи значение
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

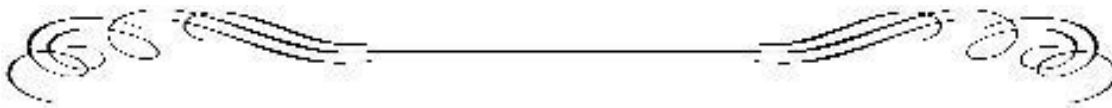
Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.
1839

Молитва («*В минуту жизни трудную...*»)

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...
1839

Зарисовки В. А. Лопухиной в юнкерской тетради М. Ю. Лермонтова (1832–1834 гг.)

Посылаю Вам стихотворение, которое случайно нашел в моих дорожных бумагах, оно мне довольно-таки нравится... Молитва странника: «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою».

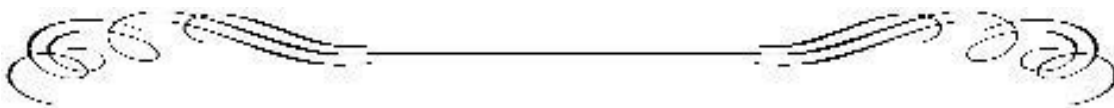
М. Ю. Лермонтов. Из письма М. А. Лопухиной².

15 февраля 1838 года. Петербург

---

² Мария Александровна Лопухина. Старшая сестра Варвары.

Молитва странника

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

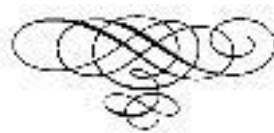
Приехала в Петербург В.А. с мужем, проездом за границу. Лермонтов был в Царском, я послал к нему нарочного, а сам поскакал к ней. Боже мой, как болезненно сжалось мое сердце при ее виде! Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки; только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как и прежде. «Ну, как вы здесь живете? Почему же это вы? Потому что я спрашиваю про двоих. Живем, как Бог послал, а думаем и чувствуем, как в старину. Впрочем, другой ответ будет из Царского через два часа». Это была наша последняя встреча; ни ему, ни мне не суждено было ее больше видеть. Она пережила его, томила долго и скончалась, говорят, покойно лет десять тому назад.

Аким Шан-Гирей

Варинька и Николай Федорович были у нас в Петербурге. Поехала купаться в Апсель близ Ревеля. Очень худая, слабая. Ребенок, что родила, умер на третий день, а Олинька здорова.

13 июля 1838 года. Петербург.

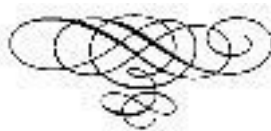
Е. А. Верещагина дочери А. М. Верещагиной-Хюгель

Ребенку³

О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне... К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...

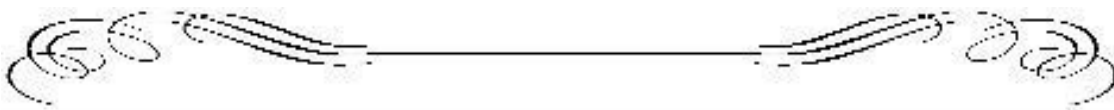
Но мне ты все поверь. Когда в вечерний час,
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменье креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? звук пустой!
Дай Бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его ребяческие дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!
1838

---

³ Первый биограф Лермонтова П. Висковатов, заставший в живых многих современников поэта, утверждает, что стихотворение адресовано ребенку Варвары Александровны Лопухиной-Бахметевой, двухлетней Ольге, отсюда и обращение в мужском роде: «...ты на нее похож», как и предписывали грамматические правила той поры.

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

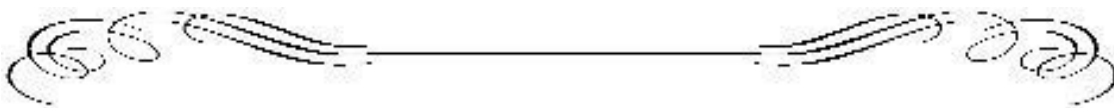
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841

Мы с ним так дружны были он мне правнучатый брат и всегда называл: *cousine*, а я его *cousin* и любила как родного брата. Так меня здесь и знали под именем *charmante cousine* Лермонтова... Он мне всегда говорил, что ему жизнь ужасно надоела, судьба его так гнала... А тут еще любовь: он был страстно влюблен в В. А. Бахметеву... я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был.

*Екатерина Быховец. Из письма.
Август 1841 года. Пятигорск*

«Нет, не тебя так пылко я люблю...»

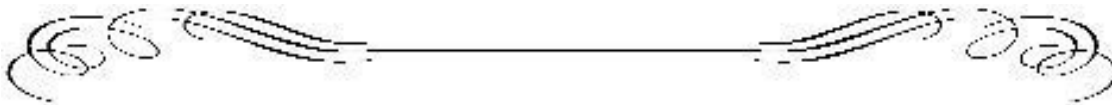

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

1841

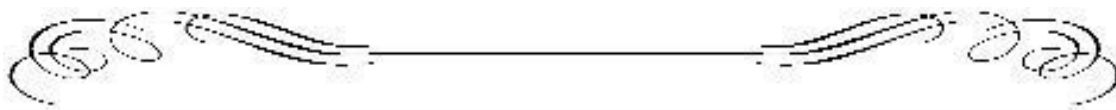

Последние известия о моей сестре Бахметевой поистине печальны. Она вновь больна. Ее нервы так расстроены, что она вынуждена была провести около двух недель в постели, настолько была слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву отказалась. За границу отказалась и заявила, что решительно не хочет больше лечиться. Быть может, я ошибаюсь, но я отношу эти расстройства к смерти Мишеля, поскольку эти обстоятельства так близко сходятся, что это не может не возбудить известных подозрений...

*Сентябрь 1841 года. М. А. Лопухина.
Из письма А. М. Верецагиной-Хюгель*

Любовь мертвеца

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки,
Разлуки нет!
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

Что мне сиянье Божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой!
Ласкаю я мечту родную
Везде одну,
Желаю, плачу и ревную,
Как в старину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Душа моя в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь, засыпая,
Ты о другом,
Твои слова текут, пылая,
По мне огнем.

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна!
Ты с мертвецом святыней слова
Обручена!
Увы! твой страх, твои моленья,

К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне.
1841

Оправдание

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей

И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь,

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.
1841

«Они любили друг друга так долго и нежно...»

*Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem andern gestehn.
Heine⁴*

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.
1841

---

⁴ Они любили друг друга, но ни один не желал признаться в этом другому. Гейне (нем.).

Автопортрет в бурке был сделан Лермонтовым для В. А. Лопухиной и отослан вместе с поэмой «Демон» осенью 1838 г.

Публикуемый в нашем сборнике вариант поэмы «Демон» (так называемая шестая, лопухинская редакция) окончен 8 сентября 1838 года и тогда же отослан Варваре Александровне Лопухиной-Бахметевой. Копию Михаил Юрьевич заказал переписчику, но титульный лист сделал сам. Кроме того, поэт велел переписчику пропустить несколько строк после четверостишия: «Средь полей необозримых/ В небе ходят без следа / Облаков неуловимых / Волокнистые стада...» и эти пропущенные строки вписал в перебеленный каллиграфически текст сам, собственноручно, знакомым подруге юных дней почерком:

Час разлуки, час свиданья —

Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В час томительный несчастья
Ты о них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна как они.

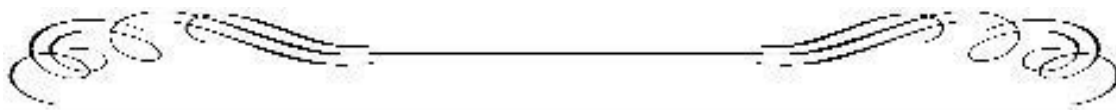
Тем же почерком написано и обращенное к Варваре Александровне «Посвящение» (публикуется в конце поэмы), понятное лишь им двоим воспоминание о днях их первой юности, о зимнем предрождественском вечере, когда Мишель впервые прочитал милой соседке ранний вариант поэмы о Демоне, а потом и рисовал ее в костюме испанской монахини.

А. М.⁵

---

⁵ Здесь и далее инициалы А. М. означают Алла Марченко (составитель).

Демон

1838 года сентября 8 дня

Часть I

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим;
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним;
Когда сквозь вечные туманы,
Познания жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни страха, ни сомненья,
И не грозил душе его
Веков бесплодных ряд унылый;
И много, много и всего
Припомнить не имел он силы!

С тех пор отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта.
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему!

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял;
И, глубоко внизу чернея,

Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял;
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел и хищный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь Божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье Бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели;
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющом;
Ущелья, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений;
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи;
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!
Но, кроме зависти холодной,

Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил:
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил;
Трудов и слез он много стоил
Рабам, послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени;
В скале нарублены ступени,
Они от башни угловой
Ведут к реке; по ним, мелькая,
Покрыта белою чадрой⁶,
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом:
Но пир большой сегодня в нем,
Звучит зурна⁷, и льются вины!
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг.
Средь игр и песен их досуг
Проходит; дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг.

И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной;
В ладони мерно ударяя,
Запели все, одной рукой
Кружа его над головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла мир земной;
Ее узорною повязкой
Играет ветер; как волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста бледнеют и дрожат,
И жадной страсти полон взгляд,
Как страсть палящий и глубокий!
Клянусь полночною звездой,

---

⁶ Белое покрывало. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

⁷ Род флейты. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока!
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей алмазною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишен был рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела!..

В последний раз она плясала.
Увы! завтра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто грустное сомненье
Темнило светлые черты;
Но были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны чудной простоты,
Что если б враг небес и рая
В то время на нее взглянул,
То, прежних братий вспоминая,
Он отвернулся б и вздохнул.

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук;
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!
И долго сладостной картиной
Он любовался; и мечты
О прошлом счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой думой стал знаком,
В нем чувство вдруг заговорило
Родным, понятным языком.
То был ли признак возрожденья?..

Он подойти хотел не мог!
Забыть? Забвенья не дал Бог —
Да он и не взял бы забвенья!

На брачный пир к закату дня,
Измучив доброго коня,
Спешил жених нетерпеливый;
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван;
Ремнем затянут стройный стан,
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи⁸, кругом она
Вся галуном обведена.
Цветными вышито шелками
Его седло, узда с кистями.
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти золотой;
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушами и, полный страха,
Храпя, косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный:
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман;
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почиет в Боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил,
И та молитва сберегала

---

⁸ Верхняя грузинская одежда. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

От мусульманского кинжала;
Но презрел молодой жених
Обычай прадедов своих;
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал;
Он, в мыслях, под ночью тьмою
Уста невесты целовал!
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше выстрел! Что такое?
Привстав на звонких стременах,
Надвинув на брови папах⁹,
Отважный князь не молвил слова;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк! и, как орел,
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчался в тишине долины!
Недолго продолжался бой,
Бежали робкие грузины.

И стихло все. Теснясь толпой,
Верблюды с ужасом смотрели
На трупы всадников: порой
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван,
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица.
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт.
Не придут сестры с матерями,
Покрыты белыми чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги над скалою
На память водрузится крест,
И плюц, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Порой усталый пешеход
Под Божьей тенью отдохнет.

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется будто к брани,
То вдруг осадит на скаку,

---

⁹ Баранья шапка, персидская. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая,
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливый:
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводками,
Задвинул ноги в стремя,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун надежный господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный?
Кто бледный всадник у ворот?
Недолго жениха молодого,
Невеста, взор твой ожидал.
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал;
Увы! Но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого.

На беззаботную семью,
Как гром, слетела Божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:

«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет;
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет.
Он далеко; он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны

И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой.

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада;
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они.

Лишь только ночь своим покровом
Долины ваши осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит,
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травой,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей,
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью,
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет,
К тебе я стану прилетать!
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

Слова умолкли. В отдаленье
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг;
Невыразимое смятенье
В ее груди: печаль, испуг,
Восторга пыл ничто в сравненье!

Все чувства в ней кипели вдруг,
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробежал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, все еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил,
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее Божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик о нет!
Он был похож на вечер ясный —
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет!

Часть II

«Отец, отец! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу, видишь эти слезы,
Уже не первые они!
Не буду я ничьей женою,
Скажи моим ты женихам;
Супруг мой взят сырой землею,
Другому сердца не отдам.
С тех пор как труп его кровавый
Мы схоронили под горой,
Меня тревожит дух лукавый
Неотразимую мечтой.
В тиши ночной меня тревожит
Толпа печальных, странных снов;
Молиться днем душа не может:
Мысль далеко от звука слов!
Огонь по жилам пробегает,
Я сохну, вяну день от дня.
Отец! душа моя страдает,
Отец мой, пощади меня!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою,
Там защитит меня Спаситель,

Пред ним тоску мою пролью;
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня».

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Все беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы божественного пенья,
Знакомая среди моления
Ей часто слышалась речь;
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама:
Он так смотрел! *Он* так манил!
Он, мнилось, так несчастлив был!

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой:
Чинар и тополей рядами
Он окружен был, и порой,
Когда ложилась ночь в ущелье,
Сквозь них мерцала в окнах кельи
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени дерев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц.
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной
И, под нависшею скалой
Сливаясь дружески в ущелье,
Катились дале меж кустов,
Покрытых ином цветом.

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Куруется в глубине долины
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,

И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались;
А в час заката одевались
Они румяной пеленой.
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

Но Демон огненным дыханьем
Тамары душу запятнал,
И Божий мир своим блистаньем
Восторга в ней не пробуждал.
Страсть безотчетная как тенью
Жизнь осенила перед ней;
И стало все предлог мученью,
И утра луч и мрак ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумье упадет
И плачет, и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье,
Сквозь шум далекого ручья
И трель живую соловья.
Бывало, разбросав на плечи
Волну кудрей своих, она
Стоит без мысли, холодна,
И странные лепечут речи
Ее дрожащие уста;
И грудь желание волнует,
И чудный призрак все рисует
Пред нею в сумраке мечта.
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна —
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она.

.
.

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел;
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел;
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит. От его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет:
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингуры¹⁰ стройное бряцанье
И звуки песни раздались.
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена.
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз.
Он хочет в страхе удалиться —
Его крыло не шевелится!
И чудо! Из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра;
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожидания,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.

---

¹⁰ Род гитары. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор.

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет.
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»

Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся,
Зарделся ревностию взгляд,
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«Она моя, сказал он грозно,
Оставь ее, она моя;
Отныне жить нельзя нам розно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!...»
И ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.

.

Тамара

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?

Демон

Ты прекрасна.

Тамара

Но молви! кто ж ты? Отвечай...

Демон

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветет,
Я тот, кого никто не любит
И все живущее клянет;
Ничто пространство мне и годы,
Я бич рабов моих земных,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, я у ног твоих.
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои;
О, выслушай, из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю;
Я раб твой, я тебя люблю!

Когда я в первый раз увидел
Твой чудный, твой волшебный взор,
Я тайно вдруг возненавидел
Мою свободу, как позор.
Своею властью недовольный,
Я позавидовал невольно
Неполным радостям людей;
В бескровном сердце луч нежданный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Вдруг шевельнулася, как змей.
Что без тебя теперь мне вечность,
Моих владений бесконечность?
Пустые, звучные слова;
Обширный храм без божества!

Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу!
Творец увы! я не могу

Молиться; тайною отравой
Мой ум слабеющий объят.
Послушай, ты меня погубишь!
Твои слова огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь?

Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я все бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты!
В душе моей с начала мира
Твой образ был напечатлен;
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно, тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало —
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало!
О! Если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века, без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья!
Жить для себя, скучать собой,
И этой долгою борьбой
Без торжества, без примиренья;
Всегда жалеть и не желать;
Все знать, все чувствовать, все видеть,
Стараться все возненавидеть —
И все на свете презирать!

Лишь только Божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство,
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно:
Они текли в венцах из золота!
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.

Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы, я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем:
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа
Бог весть откуда и куда!

Как часто на вершине льдистой,
Один меж небом и землей,
Под кровом радуги огнистой
Сидел я мрачный и немой,
И белогривые метели,
Как львы, у ног моих ревели;
Как часто, подымая прах,
В борьбе с могучим ураганом,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской,
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут —
Надежда есть, ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень,

Мечтаний прежних и страстей
Несокрушимый мавзолей!

Тамара

Зачем мне знать твои печали?
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать!..

Демон

Мы одне.

Тамара

А Бог?

Демон

На нас не кинет взгляда;
Он занят небом не землей!

Тамара

А наказание муки ада?

Демон

Так что ж? ты будешь там со мной.
Мы, дети вольные эфира,
Тебя возьмем в свои края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга вечная моя.
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты;
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить,
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.

Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое,
Но дни бегут и стынет кровь.
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки

И своенравия мечты?
И пусть другие б утешались
Ничтожным жребием своим:
Их думы неба не касались,
Мир лучший недоступен им.
Но ты, прекрасное создание,
Не в жертву им обречена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина.
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе;
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.
О! верь мне! Я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг:
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик!
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой.
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою.
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря.
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе все, все земное —
Люби меня!

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам,
И лести сладкими речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи;
Он жег ее; во мраке ночи

Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал...
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно кровь ее проник;
Мучительный, но слабый крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было все: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой!..

В то время сторож полуночный
Один вокруг стены крутой,
Когда ударил час урочный,
Бродил с чугунною доской;
И под окошком девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил;
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Чуть внятный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика;
Но пронеслось еще мгновенье,
И смолкло все. Издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитатъ,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

.

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала.
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы —
Но кто б, взглянувши, не сказал,

Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали —
Нет, смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!
И все, где пылкой жизни сила
Так внятно чувствам говорила,
Теперь один ничтожный прах;
Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши на устах;
Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той:
Что в ней? Насмешка ль над судьбой,
Непобедимое ль сомненье?
Иль к жизни хладное презренье?
Иль с небом гордая вражда?
Как знать? для света навсегда
Утрачено ее значенье!
Она невольно манит взор,
Как древней надписи узор,
Где, может быть, под буквой странной
Таится повесть прежних лет,
Символ премудрости туманной,
Глубоких дум забытый след.
И долго бедной жертвы тленья
Не трогал ангел разрушенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама!

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд:
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею...

Уж собрались в печальный путь
Друзья, соседи и родные.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,

В последний раз Гудал садится
На белогривого коня —
И поезд двинулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.

Один из праотцев Гудала,
Грабитель путников и сел,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там.
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам,
Как будто ближе к небесам
Теплей последнее жилище!

Едва на жесткую постель
Тамару с пеньем опустили,
Вдруг тучи гору обложили,
И разыгралась метель;
И громче хищного шакала
Она завывала в небесах
И белым прахом заметала
Недавно вверенный ей прах.
И только за скалой соседней
Утих моленья звук последний,
Последний шум людских шагов,
Сквозь дымку серых облаков
Спустился ангел легкрылый
И над покинутой могилой
Приник с усердною мольбой
За душу грешницы молодой.
И в то же время царь порока
Туда примчался с быстротой
В снегах рожденного потока.
Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел

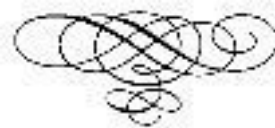
Все, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...

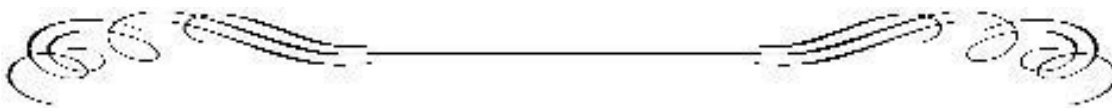
На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет,
И голосов нестройный гул
Теряется; и караваны
Идут, гремя, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река;
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жилыцы;
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы:
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет,
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца.
То вдруг сошьется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле грозных сеч,
Ненужный падшему герою...

Все дико. Нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала...
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!
И там, где кости их истлели,
На рубеже зубчатых льдов,
Гуляют ныне лишь метели
Да стаи вольных облаков;
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

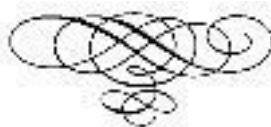

Посвящение

Я кончил и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?
Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты только мертвого, пустого одобренья
Наложишь на нее холодную печать;
И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет;
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред...

1838 сентября 8 дня

В субботу 29 октября мы имели большое удовольствие послушать Лермонтова (который обедал у нас), прочитавшего свою поэму «Демон», избитое заглавие, скажешь ты, но, однако, сюжет новый, полный свежести и прекрасной поэзии. Это блестящая звезда, которая восходит на нашем литературном горизонте, таком тусклом в данный момент.

Софья Николаевна Карамзина.

Из письма сестре Е. Н. Карамзиной.

4 ноября 1838 года. Петербург

Пушкиным началась наша современная культура... наше современное мышление и духовное бытие. Пушкин возвел дом нашей духовной жизни, здание русского исторического самосознания. Лермонтов был его первым обитателем. В интеллектуальный обиход нашего века Лермонтов ввел глубоко независимую тему личности, обогащенную впоследствии великолепной конкретностью Льва Толстого, а затем чеховской безошибочной хваткой и зоркостью к действительности.

Влияние на него Байрона бесспорно, под его обаянием находилась тогда чуть не половина Европы. Однако то, что мы ошибочно принимаем за лермонтовский романтизм, в действительности, как мне кажется, есть не что иное, как стихийное, необузданное предвосхищение всего нашего субъективно-биографического реализма и предвестие поэзии и прозы наших дней.

Я посвятил «Сестру мою жизнь» не памяти Лермонтова, а самому поэту, как если бы он жил среди нас, его духу, до сих пор оказывающему влияние на нашу литературу. Вы спросите, чем был для меня Лермонтов летом 1917 года? Олицетворением творческого поиска и откровения, двигателем повседневного творческого постижения жизни.

Борис Пастернак

Что ищет он с стране далекой?

Коляска, запряженная четверкой.

Рисунок М. Ю. Лермонтова

Извозчик едет тихо, дорога пряма как палка. На квартире вонь, и перо скверное!.. Рас-трясло меня, и потому к благоверной кухне не пишу а вам мало... До Петербурга с обеими прощаюсь...

М. Ю. Лермонтов. Из письма С. А. Бахметевой.

Июль 1832 года. Тверь

Летом 1832 г. Лермонтов, забрав документы из университета, уехал в Петербург. В уни-верситете было обнаружено «тайное общество», нескольких его однокашников обвинили в сочувствии восставшим полякам. Они были арестованы и вскоре «отданы в солдаты». В сту-денческой среде началась паника, «хватали» по самому пустяковому доносу. Елизавета Алек-сеевна, потерявшая в сходных обстоятельствах любимого брата (Дм. Столыпин, связанный с лидерами декабризма, умер от разрыва сердца, узнав об арестах единомышленников), не хотела рисковать внуком. Лермонтов не стал возражать бабушке. Внезапный отъезд Мишеля озадачил Лопухиных. Лермонтов попытался объяснить свой странный поступок написал сти-

хотворение «Парус». Той же осенью он поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Сам поэт назвал свои юнкерские годы «страшными». Но этот страшный опыт был опытом не напрасным. Он научил «молодого мечтателя», как видно из стихотворения «Не верь себе, мечтатель молодой», не любоваться созданными в уме мирами, а любить действительную жизнь, «без экстаза и надрыва, серьезно и целомудренно». (Закавыченные слова принадлежат поэту И. Ф. Анненскому.)

Во второй главе собраны в основном юнкерские и гусарские произведения Лермонтова, это своего рода сцены из армейской жизни 30-х гг. прошлого века.

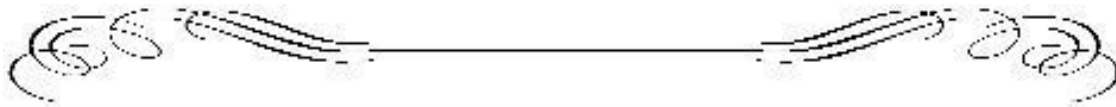
А. М.

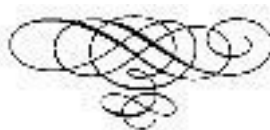
Дуэль. 1832–1834 гг.

Рисунок М. Ю. Лермонтова

«Нет, я не Байрон, я другой...»

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я или Бог или никто!
1832

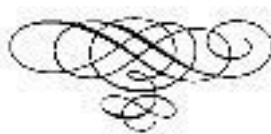

Молитва («*Не обвиняй меня, Всесильный...*»)

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пушай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращусь.

1829

Рисунок М. Ю. Лермонтова

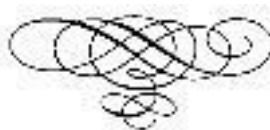
Я отнюдь не разделяю мнения тех, которые говорят, будто жизнь есть сон; я осязательно чувствую ее действительность, ее привлекательную пустоту. Я никогда не мог бы отрешиться от нее настолько, чтобы искренне презирать ее.

*М. Ю. Лермонтов. Из письма М. А. Лопухиной.
2 сентября 1832 года. Петербург*

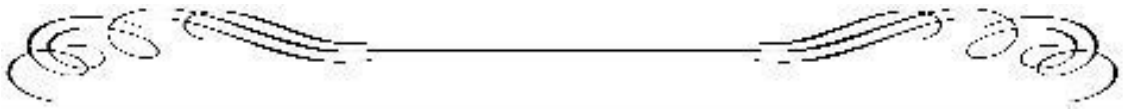
«Я жить хочу! хочу печали...»

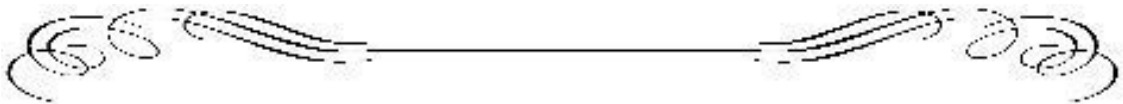
Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.
1832

Парус

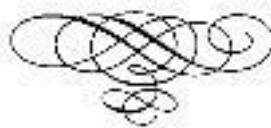

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..
Играют волны ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, он счастья не ищет
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
1832

Не могу еще представить себе, какое впечатление произведет на вас моя важная новость: до сих пор я жил для литературной карьеры, столько жертв принес своему неблагодарному кумиру, и вот теперь я воин. Быть может, это особая воля Провидения.

*М. Ю. Лермонтов. Из письма М. А. Лопухиной.
Около 15 октября 1832 г. Петербург*

Юнкерская молитва

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алёхин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, Царь Всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.
1833

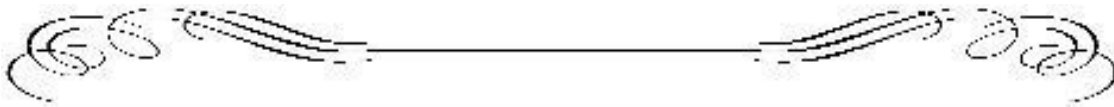

Рисунок М. Ю. Лермонтова

«Созрев рано, как и все современное ему поколение, он уже мечтал о жизни, не зная о ней ничего».

Е. Ростопчина. Из письма А. Дюма

«На серебряные шпоры...»

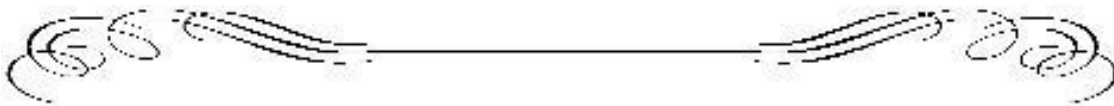

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезженных коней.

Но с успехом просвещения,
Вместо грубой старины,
Введены изобретения
Чужеземной стороны;

В наше время кормят, холют,
Берегут спинную честь...
Прежде били нынче колют!..
Что же выгодней? Бог весть!..
1833

Пора мечтаний для меня миновала; нет больше *веры*; мне нужны материальные наслаждения, счастье осязаемое, счастье, которое покупают на золото, носят в кармане, как табакерку, счастье, которое только обольщало бы мои чувства, оставляя в покое и бездействии душу!.. Вот что мне теперь необходимо, и вы видите, любезный друг, что с тех пор, как мы расстались, я несколько переменялся. Как скоро я заметил, что прекрасные грезы мои разлетаются, я сказал себе, что не стоит создавать новых; гораздо лучше, подумал я, приучить себя обходиться без них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.